

НАСТАВНИК И ШКОЛЯР: РОЖДЕНИЕ СПОРА

С. В. Нехаева (Новосибирск)

В статье выявляются характер и особенности взаимоотношений школяров и магистров в ранний период университетской истории, вскрываются существующие между ними противоречия. Обращаясь к подлинным документам эпохи, автор показывает, какие проблемы волновали университетских слушателей и их наставников, какого рода требования они предъявляли к самим себе и друг к другу. На основе изучения статутов и регламентов средневековой высшей школы, анализа университетских сочинений XIII столетия – трактатов, наставлений, писемников – выявляются основные конфликты академического сообщества, факторы его интеграции и дезинтеграции, вскрывается специфика склада мышления и ценностных ориентаций университетской среды.

Ключевые слова: средневековый университет, взаимоотношения школяров и магистров, оплата обучения, споры и конфликты.

PRECEPTOR AND SCHOLAR: THE BIRTH OF A DISPUTE

S. V. Nehaeva (Novosibirsk)

The article identifies the characteristics and nature of the relationship between scholars and masters in the early period of university history, reveals the contradictions between them. Referring to the original documents of the epoch, the author points out what problems troubled university students and their mentors, what kind of requirements they demanded of themselves and each other. On the basis of studying statutes and regulations of the medieval higher school, the analysis of university compositions of the XIII-th century (treatises, precepts, manuals), the basic conflicts of the academic community, factors of its integration and disintegration come to light, the specific mentality and the value-related orientations of the university environment are revealed.

Key words: medieval university, the relationship between scholars and masters, tuition fee, disputes and conflicts. environment are revealed.

История высшей школы уходит своими корнями в глубину веков. Первые университеты появились в Европе уже на рубеже XII–XIII столетий, когда в европейском обществе под влиянием процессов урбанизации возникли импульсы к коммерциализации общественной жизни и десакрализации знания. Средневековый университет сложился как автономная корпорация школяров и магистров, наделенная особыми правами-привилегиями. Его могущество базировалось на трех главных основаниях:

Нехаева Светлана Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета.

630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская, д. 28.

E-mail: nsv1441@gmail.com

независимой юрисдикции, праве на забастовку и уход, монополии на присвоение ученых степеней [17, р. 122–155; 26, р. 47–55; 29, с. 95].

Какие же принципы лежали в основе жизнедеятельности университетских общин, как они интегрировались в систему существующих социальных связей и отношений, какие проблемы волновали университетских слушателей и их наставников в те далекие времена? В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть взаимоотношения школяров и магистров, вскрыть их болевые точки, выявить конфликты и противоречия, возникавшие в академической среде в ранний период университетской истории.

Изначально университетские общины не знали кастовых различий. С первых дней своего существования они строились не на вертикальных (отношения господства и подчинения), а горизонтальных связях. Университетское сообщество спаивали узы солидарности и взаимопомощи. Разделенные по месту и функциям в образовательном процессе, школяры и магистры, вместе с тем, составляли единое целое – общину людей, занятых одним видом деятельности, наделенных особыми правами-иммунитетами, связанных общими жизненными целями и интересами. В конфликтах с внешним миром они обычно выступали сообща. Преподавателей и студентов объединяли общность образа жизни, совместная борьба за привилегии, осознание особенности своего статуса и положения в обществе. Их отличали высокая самооценка и специфический склад мышления. Как люди умственного труда школяры и магистры противопоставляли себя остальным – тем, кто не принадлежал к ученому сословию. Они гордо именовали себя «философами». Другое широко бытовавшее среди них самоназвание – «клирик» – указывало не столько на принадлежность к церкви, сколько на образованность. Университетский люд был убежден в том, что образованность позволяет обрести не только знания, но и добродетели, что делает образованных истинно благородными, превосходящими тех, кто благороден лишь по рождению [35, с. 22–23, 27–28; 30, с. 15]. «Люди науки» возвеличивали свой образ жизни как наиболее совершенный. «Школьная жизнь, – писал парижский магистр XIII столетия Иоанн Гарланд, – это высшая форма жизни: она дает такое очищение ума и тела, которое позволяет познать сущее и тем самым обрести власть над вещами» [10, р. 163].

Университетская жизнь была основана на демократических принципах. Школяры и магистры были убеждены в святости права «людей науки» избирать своих представителей, отстаивать свои свободы и защищать свое мнение. Все решения принимались ими коллегиально после длительного и всестороннего обсуждения. Консолидирующим общину фактором служило также то обстоятельство, что внутри нее не существовало жестких границ между преподающими и обучающимися. Лекции читали не только доктора и магистры, но и лиценциаты, бакалавры и проходящие испытания студенты. Преподаватели низшего артистического факультета сами являлись слушателями высших факультетов – медицинского, юридического, теологического. Школяры и магистры нередко входили в состав одних и тех же объединений, проживали в общих общежитиях. В процессе обучения они также не воспринимались как противостоящие друг дру-

гу: неслучайно в педагогических сочинениях эпохи учитель и ученик обычно рассматриваются как союзники, совместно и в поте лица добывающие знания [7, р. 419, 422; 27, р. 24–25]. Такие представления, по сути, являлись наследием еще монастырской культуры, в рамках которой научение понималось как божественное служение [33, с. 96–97].

Взаимоотношения школяров и магистров в ранний период университетской истории, их взаимные чаяния и ожидания можно реконструировать на основе университетских сочинений XIII столетия. Знакомство с этими трудами убеждает нас в том, что от учителя требовалась прежде всего эрудиция, а также умение излагать усвоенные знания, навыки воспитателя и нравственная чистота. Учителю полагалось быть для своих учеников безусловным моральным авторитетом. По словам автора анонимного, приписываемого Боэцию, трактата XIII в. «О школьной науке» (*«De disciplina scolarium»*), преподавателя должны отличать «честные нравы, правдивость речей, справедливость в суждениях, прозорливость в совете, верность в поручительстве, милосердие и добродетель...» [19, р. 124–125].

Авторы университетских трактатов советуют школярам отнестись к выбору преподавателя очень внимательно, ведь от правильности этого выбора во многом зависит успех обучения. Так, болонский профессор гражданского права Джованни Бассиано говорит о том, что в этом важном деле никак нельзя действовать наобум, проявлять легкомыслие или скардность [2, р. 47; 16, р. 84]. Знаменитый преподаватель права Одофред предостерегает школяров от того, чтобы пользоваться при выборе наставника «советами невежественных и дурных людей – торговцев, содержателей таверн, женщин легкого поведения» [2, р. 47]. Профессор юриспруденции в Модене Мартино да Фано, автор адресованного студентам учебно-дидактического сочинения «О порядке и способе обучения» (*«De regimine et modo studendi»*), советует при выборе учителя ни в коем случае не обольщаться красивыми речами: «должно предпочесть лекции тех профессоров, которые <...> стараются донести до слушателей истинное знание, не имеющего ничего общего со словесной мишурой» [15, р. 315].

От школяров же требовалось, в первую очередь, послушание и подчинение магистру, но не слепое и фанатичное, а осмысленное, в разумных пределах [19, р. 121; 31, с. 117–130]. Одним из главных путей к знанию авторы университетских сочинений называют также трудолюбие. Через все университетские письмовники «красной нитью» проходит мысль о том, что «для настоящего школяра учеба – это не бремя, а награда и благо, сладостное усилие» и потому школяры должны «трудиться, не покладая рук, добывать знания днем и ночью» [16, р. 86]. «Даже ложась спать, – пишет профессор права Мартино да Фано, – студент не должен забывать о своем предназначении. Ночью во время бессонницы пусть обдумывает он то, что узнал за день». Школяр всегда должен чувствовать себя «тружеником на стезе образования» и стойко, подобно работникам других специальностей, нести возложенные на него обязательства: «Посмотри, сколько стараний вкладывают в свой ручной труд плотники, <...> сколько усилий совершают купцы, чтобы их семьи жили достойно» [15, р. 305, 310].

Однако и здесь важна определенная мера, так как непрерывный напряженный труд без отдыха может и навредить. Не случайно болонский

профессор риторики Буонкомпаньо да Синья включает в свою коллекцию писем, адресованных студентам, послание отца, обеспокоенного судьбой своего сына-зубрилы. «Мне сообщают, – пишет отец, – что ты против всякого обычая встаешь с постели раньше, чем прозвонит колокол, призывающий к занятиям, ты первым приходишь в школу и последним ее покидаешь. А после, возвращаясь домой, ты весь день повторяешь то, что услышал на лекции. Ты постоянно размышляешь, даже во время еды, и во сне ведешь воображаемые диспуты, повторяешь изученное, непрестанно шевеля губами. Ты отрастил бороду, не стрижешь волосы и ногти, не носишь опрятной одежды, не здороваешься с друзьями, никогда не навещаешь товарищей, и никакими развлечениями не облегчаешь тяготы своего труда, из-за чего многие считают тебя человеком недостойным. <...> Должен бы ты знать, что переполненный сосуд лопается, что нужно отличать избыточное от недостаточного. Природе противно и то и другое, во всем предпочтительна умеренность. Излишнее рвение может привести к неизлечимым тяжелым болезням, от которых одни умирают, а другие, что едва ли не хуже, истощив свои жизненные соки, чахнут день ото дня. Некоторые сходят с ума и проводят жизнь в слезах и смехе. У других атрофируется зрительный нерв, проводящий лучи света, и они слепнут. Умоляю тебя, о сын мой, соблюдай меру в учении!» [цит. по: 3, р. 10].

Бонкомпаньо да Синья убежден, что настоящего студента отличают, прежде всего, три качества: врожденный интеллект (способности), упорство в учебе (трудолюбие) и способность запоминать (хорошая память). Но и их недостаточно, чтобы обрести знание. Обучение приносит плоды лишь тогда, когда чисты помыслы и поступки [16, р. 96]. Мысль о неразрывной связи знания и добродетели «красной нитью» проходит почти через все университетские трактаты. «Ум обретает силу только тогда, когда подкрепляется активной, вошедшей в привычку добродетелью, <...> потому как именно она ведет к успешному труду», – внушает своим слушателям магистр Парижского университета Иоанн Гарланд, автор «Наставления школярам» («*Morale scolarium*») [10, р. 163]. «Будьте милосердны, ибо только этим завоевывается благословение Божие. Избегайте гордыни, ведь Богу противна гордость, он дает милость смиренным. Не будьте алчными, ибо это корень зла <...> Если вы будете следовать этим советам, то свет знания воссияет над вами, ибо, как сказал Соломон, «мудрость не войдет в порочную душу, равно как не укоренится она в греховном теле», – наставляет своих учеников Мартино да Фано [11, р. 76].

Общим местом университетских сочинений является также мысль о несовместимости знания с богатством, представление о том, что подлинное приобщение к подданству «республики ученых» возможно лишь путем прохождения через очищающее горнило бедности. Апеллируя к традиционной католической этике, авторы университетских трактатов пытались обосновать естественность (и даже предпочтительность) для «мужа, вкушающего сладость науки», состояния бедности. По мнению Иоанна Гарланда, знание и бедность также неразлучны, как нерасторжима дружба олицетворяющих их муз – Клио и Энио [10, р. 161]. По словам Псевдо-Боэция, недостаток побуждает к порочным и бесчестным поступкам, препятствует твердости духа в публичных состязаниях, развращает видимым

благополучием, возбуждает желания, которые могут вывести ум из состояния покоя и тем самым навредить делу обучения [19, р. 111, 119].

Корреспонденты письмовника Буонкомпаньо убеждены в том, что «к вершинам философского знания ведет путь скудости и умеренности». «Всеми известно, – уверяет автор одного из посланий, – что знание не может измеряться деньгами и что богатые и денежные редко или никогда не добиваются того, чтобы подняться на пьедестал философа». В пример приводятся заслужившие вечную славу своей мудростью Боэций, Гомер, Овидий, Сенека, которые в самых трудных условиях – в изгнании, и даже в тюрьме – смогли столь многого достигнуть. В претерпеваемых обучающимися материальных лишениях есть, по мнению корреспондентов учебника болонского ритора, особый высший смысл, так как только испивший до дна всю горечь борьбы за обретение знания может ощутить его истинную сладость: «ведь никогда не стал бы гордиться моряк, прибывший в порт в [добром] здравии, если не подвергался бы в море опасностям. Потерпевший кораблекрушение горячо воздает молитвы, когда, лишившись всего, [живым] выбирается. И воин пляшет и прыгает [от радости], когда победителем выходит из войны, в которой многие погибли. И тот, кто бился в бою, если победителем оказывается или достойным триумфа, премного гордится, если ранен. Хотя совершающих переход через Альпы мучает холод, они, когда после согреваются, больше радуются теплу, и гораздо приятнее, когда жар проникает туда, где господствовал холод» [3, р. 45].

В университетских сочинениях проводится мысль о том, что бедность является настоящим даром и сокровищем, которым нужно только уметь по достоинству распорядиться [19, р. 117, 119; 10, р. 161, 173]. Подлинным панегириком бедности звучат слова Псевдо-Боэция: «да пребудет дар бедности, довольствующейся малым, стойко претерпевающей нападки, всегда стремящейся к совершенству, всему покорной, готовой к служению, стойкой к порицанию, верной в послушании, цельной в содружестве» [19, р. 119]. В том поразительном единодушии, с которым авторы университетских трактатов проповедают мораль недостатка, можно увидеть не только дань своему времени, но и попытку отстоять преимущества и достоинства традиционного для университетской среды образа жизни.

Большое значение в обеспечении успеха образовательного процесса авторы университетских сочинений придавали также «правильным» взаимоотношениям школяра и магистра. Буонкомпаньо да Синья подчеркивает взаимный характер их обязательств. Магистры, по его мнению, должны обращаться со школярами дружески, любовно, всегда называя их именно «друзья» или «товарищи», но ни в коем случае не «ученики». Школяры, в свою очередь, обязаны проявлять к магистру почтение и уважение, постоянно демонстрируя свою преданность и повиновение. Обращаться к наставнику следует не иначе как «господин» или «учитель» [16, р. 86].

В действительности, конечно, взаимоотношения школяров и магистров вовсе не были такими идиллическими, какими они предстают со страниц университетских сочинений. Хотя в большинстве случаев студенты действительно глубоко почитали своего наставника и считали его примером для подражания, между ними, тем не менее, возникало множество разногласий. Если не касаться проблемы дисциплины, то конфликты в

студенческо-преподавательской среде аккумулировались в ранний период университетской истории главным образом в трех основных болевых точках: управление высшей школой, регламентация внутриуниверситетской жизни и обеспечение образовательного процесса материальными ресурсами.

Вопрос о власти был урегулирован довольно рано и разрешился двояким образом. В зависимости от того, кто одерживал победу в борьбе за преобладание, к руководству высшей школой приходили студенты или магистры. В результате в университетах возникли две основные модели организационного устройства: болонская и парижская. Болонский университет сложился как корпорация студентов. Если в XII в. профессор был руководителем школы и не зависел от своих слушателей, то уже в XIII в. болонские профессора были подчинены студентам. До нас дошли глухие свидетельства о той борьбе, которая развернулась в тот момент вокруг выборов ректора. Профессура, ссылаясь на нормы античной юриспруденции, доказывала неправомерность предоставления школярам активного и пассивного избирательного права. Однако под угрозой бойкота занятий профессора, полностью зависевшие от подношений студентов, вынуждены были признать организацию студенческих общин и подчиниться их ректору.

Парижский университет, в отличие от Болонского, сложился как организация преподавателей. Ведущие административные посты здесь принадлежали магистрам [17, р. 189–213]. По болонской модели строилось организационное устройство большинства итальянских, южно-французских и испанских высших школ. В Англии, Германии, Нидерландах, Скандинавии в университетах хозяйничали магистры, хотя студенты могли и сохранять за собой право голоса при выработке общих статуты и решении различных вопросов внутриуниверситетской жизни [6, р. 59–61; 13, р. 85–86].

В студиямах, организованных по болонскому образцу, школяры не только добились полной автономии, но и навязали преподавателям обязательство давать клятву повиновения университетам, лишая их в противном случае права делать сборы со студентов [23, р. 100, rub. 41]. Студенты также заставили профессоров подчиниться жестким правилам регламентации учебного процесса. Так, в Болонье уже первые статуты университета юристов от 1317 г. обязывали профессоров ежегодно вносить ректору залог в 25 лир. Из этой суммы взимались штрафы в тех случаях, когда преподаватели не читали лекции или нарушали сроки и порядок их проведения. При отъезде из города профессор должен был оставлять залог в 100 лир (иногда это годовое жалование профессора), который конфисковали в пользу университета в том случае, если преподаватель не возвращался вовремя. Для контроля над профессорами ректором университета ежегодно назначалась комиссия из четырех студентов, основной функцией которой было наложение штрафов на провинившихся преподавателей [8, р. 284, rubr. 22; р. 315, rubr. 44; р. 316–317, rubr. 45; 14, р. 94]. В университетах, управляемых магистрами, учебный процесс такой жесткой регламентации не подвергался.

Но самым болезненным с первых дней существования высшей школы был вопрос об оплате обучения. В ранний период университетской истории школяры должны были сами уплачивать гонорар преподавателю, при-

чем отношения между ними оформлялись специальным договором. Так, в контракте, заключенном в 1294 г. между болонским медиком Франческо дель Уго и школяром из Каталонии Арнальдо, устанавливалось ежегодное вознаграждение профессору в размере 40 лир. Для сравнения можно сказать, что покупка небольшого дома обходилась в Болонье в тот период времени в 250–300 лир, на 14 лир в год можно было обеспечить ежедневный рацион питания, как минимум, в 0,5 кг хлеба, 200 г мяса, 0,5 л вина, 100 г оливкового масла [4, vol. 2. p. 275, 301–392, 323; vol. 5. p. 51, 120–121, 206; vol. 7. p. 181; vol. 8. p. 100; vol. 9. p. 135–136, 142]. Другой преподаватель Болонского университета – магистр нотариального искусства по имени Ансельмо – запросил со своего ученика Касталано да Прато гонорар в 35 лир. В число предоставляемых услуг входило не только обучение, но также проживание и питание [28, p. 111].

Плата далеко не всегда вносилась аккуратно. Знаменитый болонский преподаватель права Одофред, всегда пользовавшийся у своих слушателей большой популярностью, жаловался в своих записках на то, что школяры плохие плательщики и даже угрожал сократить из-за этого число занятий: «я заявляю, что на будущий год буду читать обязательные курсы на совесть, как я это делал всегда; но я сомневаюсь в том, что стану читать дополнительные лекции, поскольку студенты платят неисправно» [12, p. 56-57; 20, vol. 1. p. 209]. Многие преподаватели упрекали школяров в том, что они думают в первую очередь не о получении знаний, а о своих кошельках. Болонский магистр нотариального искусства Гвидо Фаба даже сочинил по этому поводу инвективу, направленную против скупых студентов: «одержимые пороком жадности, они поклоняются идолу денег и ради презренной монеты готовы пренебречь подлинным знанием, которое на самом деле стоит дороже всяких сокровищ» [16, p. 86].

Школяры в свою очередь обвиняли преподавателей в корыстолюбии и напоминали им о том, что знание является божьим даром и потому не может продаваться. «*Scientia donum Dei est unde vendi non potest*» – эта ставшая крылатой фразой древняя максима, так удачно сформулированная студентом-каноником Иоанном Тевтонским, была взята на вооружение теми, кто видел в торговле знаниями нечто постыдное и аморальное, противоречащее божественным заповедям. Это представление восходило к архаике, когда существовало только религиозное образование, и обучение считалось составной частью церковного служения. Торговля интеллектом рассматривалась тогда как деяние, равноценное симонии [29, с. 125–126; 35, с. 24]. Это предубеждение сохранялось довольно долго, но преподаватели уже в XIII в. пытались отстоять свое право на получение гонорара на том основании, что всякий труд должен вознаграждаться. Мэтр, утверждали они, может принимать деньги от студентов, если эта плата равна цене его труда, его усилий. «Разве юристы не продают свои советы, – писал один из анонимных глоссаторов XIII в., – разве свидетели бесплатно раздадут свои свидетельства, епископы бесплатно освящают церкви, и судьи бесплатно решают дела? Почему же тогда философы не должны требовать средства необходимые для их существования?» [18, p. 189]. Правда, делая уступку официальной церковной доктрине, комментаторы-правоведы находили возможной оплату труда лишь тех про-

фессоров, которые не имели других источников жизнеобеспечения. Неприемлемым считалось получение вознаграждения от детей воров и ростовщиков [18, p. 191].

Профессора претендовали на вознаграждение своего труда, студенты не хотели, а часто и не могли платить. Церковь и, в особенности, папский престол пытались урегулировать эту проблему. В 1219 г. папа Гонорий III в булле *Super speculum* даровал студентам и преподавателям теологических факультетов привилегию сохранять доходы от пребенд с правом не исполнять церковные должности. Но преподаватели получали бенефиции не потому, что они были преподавателями, а потому, что они были церковнослужителями, как преподаватели они лишь освобождались от обязанности пребывать в своих бенефициях. Позже в папскую курию стали доставлять так называемые *rotuli nominandorum* – списки получающих ученые степени на предмет предоставления кандидатам на звание доктора (или магистра) экспектативных граций на церковные бенефиции. Первоначально эта мера практиковалась только в отношении парижских теологов. Однако около 1322 г. Оксфордский университет обратился к папе Иоанну XXII с петицией, в которой просил предоставить докторам философии и теологии те же милости, что и преподавателям Парижского университета. Во второй половине XIV в. свои ротулы св. престолу посылали уже многие университеты [18, p. 182 – 186; 4, vol. 2, p. 241].

Однако инициативы папства долгое время не распространялись на преподавателей права и медицины. Данные «лукративные» науки были признаны светскими. Открытым оставался также вопрос о том, как должны существовать те преподаватели священных наук, которые не располагали бенефициями. Кардинал Гоффридо да Трани, крупнейший авторитет в области канонического права, а также один из самых блестящих глоссаторов XIII столетия Энрико да Суза отвечали на этот вопрос однозначно: учить бесплатно они вовсе не обязаны. Оба каноника указывали на то, что, несмотря на папские предписания, настаивающие на бесплатности обучения для бедняков, последние не могут избежать тех обязательств, которые несут другие школяры [18, p. 190–192]. Обычай, а не папство определяли решение этого вопроса. А обычай требовал платить.

Конечно, преподаватели делали бедным студентам некоторые уступки. Так, магистр риторики Болонского университета Буонкомпаньо да Синья разрешил посещающим его занятия беднякам вносить плату в соответствии с их возможностями [16, p. 85]. Но в ранний период университетской истории такого рода послабления всегда лежали на совести самих преподавателей и целиком зависели от их волеизъявления. Болонский грамматик Боно да Лукка советует школярам идти к тем наставникам, которые «готовы прислушаться к их просьбам и будут считаться с содержимым студенческого кошелька», но тут же предупреждает о том, что найти таких нелегко. В своем «Приветствии» («*Salutatorio*») он обвиняет преподавателей права в том, что те беззастенчиво обирают студентов, заманивая их ложными посулами: «Бреют (бедных школяров) как овец, стригут с них шерсть <...>, тот, кто им поверит, будет после горько плакать, так как останется обманутым» [28, p. 40].

В целом случаи, когда правове­ды действительно отказывались бы от части причитающегося им гонорара, были скорее редкими исключениями. Как правило, единственное, что заставляло их несколько умерять аппетиты, так это конкуренция со стороны собратьев по ремеслу. Не случайно университетские установления запрещали преподавателям переманивать друг у друга учеников, прельщая их более низкой платой [21, р. 176]. Обычной была практика, когда они за определенную мзду переуступали друг другу учеников. Так, например, в 1279 г. болонский профессор Эгидий передал свою аудиторию некому Лидию за половину своего гонорара [41, с. 200]. В Болонье профессора не брезговали вступать со школярами в разного рода сделки: например, давали им задатки, чтобы задатками обязать их посещать собственные лекции. Задатки соединялись с ростовщическими процентами. Так, сын и наследник знаменитого правоведа Аккурсия Франциск, заменивший отца в преподавании римского права в Болонье, обратился в 1292 г. к папе с прошением разрешить его от грехов и успокоить его совесть. Из папского доку­мента видно, какие грехи смущали совесть Франциска Аккурсия: и он, и отец его, выдавая школярам-слушателям деньги, взыскивали их потом с большими процентами, а некоторых, независимо от какой-либо предварительной сделки, притесняли высокой платой за обучение [4, vol. 5, р. 45–46, 104–105, 136; vol. 7, р. 16–17; 34, с. 198–199]. В подобных грехах каялись также Уголино де Спаньоли, Бартоломео де Салицетто, Герардо де Валетто и ряд других болонских профессоров [4, vol. 4, р. 57–58, р. 141–142, vol. 8, р. 40–41]. В Павийском университете право преподавателей предоставлять ссуды своим слушателям даже было закреплено в статутах докторской коллегии юристов. Как свидетельствуют отдельные сохранившиеся контракты, выдача таких займов производилась с обязательством возмещения того убытка, который понес доктор: «*cum omnibus dampnis <...> que vel quas propterea superscriptus Dominus pati vel facere contingeret*», то есть на условиях уплаты ростовщического процента [25, р. 112–113; 5, vol. II, t. 1, р. 5–6]. Эдикт миланского правителя Висконти от 1397 г. ограничил размеры доставляемых докторами слушателям Павийского университета ссуд шестью флоринами, а сроки контрактов полугодом [5, vol. 1, р. 366]. Иногда преподаватели не только опутывали студентов долгами, но и принуждали их работать на себя. Так, болонский правове­д Гуэльгельмо дель Орси, одолживший двум студентам-испанцам 30 лир, обязал их помогать ему в часы репетиций без предоставления какого-либо вознаграждения [4, vol. 8, р. 40–41; vol. 11, р. 42].

В то же время, очевидно, что подобная коммерциализация отношений затронула по большей части тех, кто обучал и обучался правовым дисциплинам, открывающим широкие возможности для будущего жизнеустройства. Из Парижа почти не слышно жалоб на ростовщические сделки и вообще на обирание учащихся своими профессорами. Те и другие долгое время были одинаково бедны и жили в основном на доходы от церковных бенефициев.

В целом вопросы оплаты обучения долгое время оставались одной из самых острых и болезненных проблем университетской жизни. Пути ее решения обозначились только тогда, когда в эту сферу стали активно вме-

шиваться светские власти. Заинтересованные в подъеме и процветании высшей школы, они стали брать на себя финансирование университетских кафедр. Раньше всего – уже в XIII в. – на этот путь встали итальянские города-коммуны. В других областях Европы даже в позднее Средневековье участие светских властей в финансировании высшей школы оставалось относительно скромным, однако и здесь поддержка короны, князей, городов со временем стала играть в деле оплаты преподавательского труда существенную роль.

Широкое распространение практики финансирования университетских кафедр светскими и духовными властями, развитие благотворительных инициатив способствовали сглаживанию одного из наиболее мощных очагов напряженности внутри академического сообщества. Однако даже в итальянских землях, где политика субсидирования университетских кафедр проводилась наиболее последовательно и целенаправленно, эта проблема так и не была в полной мере решена вплоть до конца Средневековья. Во-первых, финансировались далеко не все кафедры [9, s. 521, 472; 6, р. XXXVII; 5, vol. II, р. 20, 72, 65–66; 23, р. 247–250, 252–253]. Во-вторых, оплачиваемые профессора имели право получать денежное вознаграждение от учеников за проведение дополнительных учебных курсов [23, р. 86]. Наконец, очень долго сохранялась старая практика «добровольных» подношений и дарений преподавателям, по обычаю считавшихся почти обязательными. Например, в состав письмовника болонского ритора Пьетро Боатьеры сохранилось послание одного школяра, в котором последний, недовольный поведением своего профессора, угрожает лишить его «всех даров и всякой благодарности» [28, р. 213]. В Падуе в 1553 г. студенты, добывающиеся того, чтобы лекции по каноническому праву вел некто Иоанн Рикко, вынуждены были задабривать его подарками – хлебом, вином, рыбой [1, vol. I, р. 20]. Периодически повторяющиеся предписания городских и университетских властей, воспрещавшие докторам принуждать студентов к приношению даров (последние обнаруживаются в Падуе, Флоренции, Модене и многих других центрах высшего образования) действительного значения, видимо, не имели [24, р. 98; 22, rub. 1251, р. 378].

В большинстве университетов полное освобождение от платы за обучение предоставлялось только студентам-стипендиатам, причем далеко не всегда в их число попадали именно бедные школяры [34, с. 202 – 204; 20, vol. 3, р. 498 – 514; 32, с. 65]. Повсеместно студенты должны были также вносить плату на содержание школ, проведение практических занятий (например, медики платили за участие в анатомировании), предоставлять вознаграждение должностным лицам университета (педелям, прокторам наций), делать взносы на покрытие общих издержек (проведение церковных служб, праздников, похорон и проч.). Хотя в позднее Средневековье удельный вес платы за обучение в структуре общих расходов школяров заметно снизился, в то же время существенно возросли траты на проведение экзаменационных испытаний и допуск новоиспеченных магистров к преподаванию. Именно эта проблема и выдвинулась со временем на первый план.

Вмешательство государства в университетские дела повлекло за собой ужесточение идеологического контроля. Усиление бюрократического

правительственного начала в жизнедеятельности университетских общин вело к разрушению исконной независимости преподавателя и превращению его в государственного служащего – поставщика образовательных услуг. Все это существенно деформировало студенческо-преподавательские отношения, прежде строившиеся на основе принципов равноправного сотрудничества. В XV–XVI вв. в преподавательской среде усилился дух соперничества, активизировалась борьба за лучше оплачиваемые места. С углублением социального и имущественного расслоения университетских общин подрывалось их единство, разрушались связующие магистров и студентов узы патернализма. Недовольство школяров той политикой, которую проводили преподавательские коллегии и университетская администрация, во многом определило характер взаимоотношений членов академического сообщества в новую историческую эпоху – эпоху кризиса традиционных средневековых структур. Борьба вокруг присуждения ученых степеней дала толчок эскалации нового витка напряженности в академическом сообществе, что, в конце концов, привело высшую школу к затяжному внутреннему кризису, повлекшему за собой утрату ее монопольного положения на рынке интеллектуальных и образовательных услуг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Atti della nazione germanica dei legisti nello Studio di Padova** / ed. B. Brugi. – Venezia, 1912. – Vol. I. – 499 p.
2. **Bellomo M.** Saggio sull'Universita nell'eta del diritto comune. – Catania : Giannotta, 1979. – 290 p.
3. **Boncompagno** da Signa. Testi riguardanti la vita degli studenti a Bologna nel sec. XIII / A cura di V. Pini. – Bologna, 1968. – 50 p.
4. **Chartularium** Studii Bononiensis. – Bologna, 1939. – 13 v.
5. **Codice** diplomatico dell'Universita di Pavia. Raccolto ed ordinato dal R. Maiocchi. – Pavia, 1913.
6. **Cobban A. B.** Medieval student power // Past and present. – 1971. – №. 53. – P. 28–67.
7. **De commendatione cleri.** University records and life in the Middle Ages / by L. Thorndike. – Columbia University, 1944. – P. 409–433.
8. **Denifle H.** Die Statuten der Iuristen – Universitaet Bologna von 1317–1347 // Archiv fuer Literatur und Kirchengeschichte des Mittelalters. – 1887. – Bd. 3. – S. 196–397.
9. **Denifle H.** Die Statuten der Juristen – Universitaet Padua vom Jahr 1331 // Archiv fuer Literatur und Kirchengeschichte des Mittelalters. – 1892. – Bd. 6. – S. 309–544.
10. **Garland J.** Morale scolarium. // Memoirs of the University of California. / Ed. L. J. Paetow – Berkley, 1927. – Vol. 4, N 2. – 273 p.
11. **Haskins Ch. H.** Manuals for students // Studies in medieval culture. – N. Y., 1958. – P. 72–92.
12. **Haskins Ch. H.** L'origine dell'Universita // L'origine dell'Universita /ed. G. Arnaldi. – Bologna, 1974. – P. 33–84.
13. **Kimberley G.** Religion, Education and the Role of Government in Medieval Universities: Lessons Learned or Lost? // Forum on public policy. – 2006. – Vol. 2, N 1. – P. 73–96. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.forumonpublicpolicy.com/vol2.no1.rel.2006/georgedes.pdf> (дата обращения: 26.09.2011).
14. **Maffei G.** Un trattato di Bonaccorso degli Elisei e i piu antichi statuti dello Studio di Bologna nel manoscritto 22 della Robbins Collection // Bulletin of Medieval Canon Law. – 1975. – N 5. – P. 73–101.

15. **Martino** da Fano. De regimine et modo studendi // Scritti di filologia latina medievale. – Padova, 1976. – P. 305–315.
16. **Pini A. I.** «Discere turba volens». Studenti e vita studentesca a Bologna dale origini dello Studio alla meta del Trecento // Studi e memorie per la storia dell'Universita di Bologna. – Bologna, 1988. – Vol. 7. – P. 45–137.
17. **Pedersen O.** The first universities. Studium generale and the origins of University education in Europe. – N. Y. : Cambridge University Press, 2009. – 311 p.
18. **Post G.** Masters's salaries and student fees in the medieval universities // Speculum. – London, 1932. – Vol. 7, N 2. – P. 181–199.
19. **Pseudo-Boece.** De disciplina scoliarum / ed. O. Weijers. – Leiden, 1976. – 189 p.
20. **Rashdall H.** The universities of the Middle Ages. – Oxford, 1936. – 3 V.
21. **Sorbelli A.** Storia della Universita di Bologna. – Bologna, 1944. – Vol. 1. – 327 p.
22. **Statuti** del commune di Padova dal sec. XII all'anno 1285 / a cura di A. Gloria. – Padova : Tipografia F. Sacchetto, 1873. – 431 p.
23. **Statuti** dell'Universita e dei Collegii dello Studio Bolognese / ed. C. Malagola. – Bologna, 1888.
24. **Statuti** dell'Universita e Studio Fiorentino / a cura di A. Gerardi. – Firenze : Cellini-Galileiana, 1881. – 485 p.
25. **Statuti** et ordinamenti per l'Universita di Pavia dall'anno 1361 al 1859. – Pavia : Tipografia cooperativa, 1925. – 374 p.
26. **Verger J.** Patterns. Teachers // A History of the University in Europe. – Vol. 1. Universities in the Middle Ages / ed. H. de Ridder-Symoens. – Cambridge, U.K. : Cambridge University Press, 1992. – P. 35–65; 144–168.
27. **Vincent of Beauvais.** De eruditione filiorum nobilium / ed. by A. Steiner. – Cambridge : Mediaeval Academy of America Publications, 1938. – 236 p.
28. **Zaccagnini G.** La vita dei maestri e dei scolari nello Studio di Bologna. (Documenti di R. Archivio di Stato di Bologna. Appendice D). – Geneva : Olschki, 1926. – 239 p.
29. **Ле Гоффе Ж.** Интеллектуалы в средние века / пер. с фр. А. Руткевича. – Долгопрудный : Аллегро-Пресс, 1997. – 209 с.
30. **Либера А. де.** Средневековое мышление / пер. с фр. О. В. Головой, А. М. Руткевича. – М. : Праксис, 2004. – 368 с.
31. **Мигькова Н. Д.** Некоторые аспекты системы средневекового университетского образования по трактату «О школьной науке» // Университеты Западной Европы. Средние века. Возрождение. Просвещение. – Иваново, 1990. – С. 117–130.
32. **Нехаева С. В.** Студенческие коллегии в позднесредневековых итальянских университетах // Возрождение: гуманизм, образование, искусство. – Иваново, 1994. – С. 60–68.
33. **Рабинович В.** Исповедь книгочея, который учил букве, а укреплял дух. – М., 1991. – 496 с.
34. **Суворов Н.** Средневековые университеты. – М., 1898. – 254 с.
35. **Уваров П. Ю.** История интеллектуалов и интеллектуального труда в средневековой Европе (спецкурс). – М. : ИВИ РАН, 2000. – 104 с.
36. **Нехаева С. В.** Из истории университетского образования XV–XVI вв. // Философия образования. – 2006. – Спец. вып. 2. – С. 76–85.